

ADABIYOTSHUNOSLIK. TARJIMASHUNOSLIK
LITERATURE. TRANSLATION STUDIES

Исроил Шамсимухамедов

(Ташкент, Узбекистан)

isroil@navoiy-uni.uz

«Вакфийе» Навои как историко-биографическое произведение

Абстракт

Этот трактат был составлен на староузбекском языке (тюрки чигатой) в 886/1481–82 гг. видным политическим и литературным деятелем и непревзойденным покровителем тимуридского периода Мир Алишера Навои (844–906 / 1441–1501). Он озаглавлен «Вакфия», которому уделяется мало внимания ученых, несмотря на его уникальную ценность как источника социально-экономической, культурной и даже политической истории Хорасана в поздний тимуридский период в биографии автора.

Одна из возможных причин относительного научного пренебрежения к Вакфия заключается в том, что, предвосхищая его содержание по названию, ученые склонны рассматривать его только как юридический документ Вакф (*vaqfiya* или *vaqfнома*), относящийся к пожертвованиям, установленным Навои для архитектурного комплекса, сосредоточенного в ансамбль Ихласия медресе и Халосия ханаках, который он построил в северных пригородах столицы Темурида Герата в последние десятилетия XV века. Хотя документы Вакф уже давно признаны ценным источником социальной и экономической истории, лишь сравнительно недавно они начали систематически использоваться для изучения средневекового Ирана и Центральной Азии. Ранее (до 80-х годов 20-го века) ученые возглавляли этот путь, в основном концентрируя внимание на вакфии как источнике истории аграрных отношений. Чаще, однако, Вакфия рассматривался с еще более узкой точки зрения – как источник информации о биографии автора, истории, общественной жизни и топографии Герата Тимурида. Но никогда работа не была объектом научного изучения и анализа.

Ключевые слова: Алишер Навои, вакф, вакфия, здание, история, биография, султан Гусейн, Герат, Месневый, Рубай, Джериб, правитель, эрмитаж, обязанности, принципы.

Об авторе: Шамсимухамедов Исроил Усманович – кандидат филологических наук, доцент, Ташкентского государственного университета узбекского языка и литературы имени Алишера Навои.

Для цитирования: Шамсимухамедов, И. У. 2019. «Вакфийе» Навои как историко-биографическое произведение». *Узбекистан: лингвистика и культура* 4: 6—29.

Введение

Написанное в прозе своеобразное литературное произведение Алишера Навои «Вакфийе» вполне может служить и как исторический документ. Оно знакомит с общественно-политической жизнью Хорасана XV века, со структурой политической власти в нем, с действиями правителя, пришедшего к власти, создает представление о жизни народа и власти имущих.

Помимо этого, в нем нашли отражение и различные исторические факты и события, которые в определенной степени были связаны с деятельностью Навои. Обратимся к произведению, к содержащимся в нем сведениям, имеющим историческую значимость. Особое внимание обращает на себя размышления автора о начале царствования Султана Хусейна. Навои описывает его приход к власти с чрезмерной гордостью и похвалой. Завершив свое описание, поэт переходит к другому факту – о назначениях различных людей на разные должности. Навои подробно рассказывает о тех, кто входил в состав государственного аппарата и о различных племенах, что, несомненно, представляет большой интерес для историков, исследователей эпохи Тимуридов.

Вот как звучит настоящий отрывок из текста:

«Chun zamonning azimushshon sodot va fuzalosi va davroning karimulxulq quzot va ulamosi va temuriy najod shahzodalar va «barlosiy» nihod ozodalar, «arlotiy» ismlik sadrnishinlar va «tarxoniy» ismlik ayshguzinlar va «qiyot» nasabliq muta'yinlar, «qo'ng'irotd» hasabliq mutamakkinlar va «uyg'uriy» sifot baxshilar va «uyg'ur» chargalik yaxshilar va «cho'li»lik biyobonida jonsiporlik qilg'on jondorlar va boyriliq ayyomida xizmatkorliq qilg'on jonsiporlar va «jaloyir g'avg'osi» va «qavchin» alolasi mavjud erdi» [Навоий 1991, 18].

(... Так и существовали сейиды с высшим положением и

ученые того времени, прекрасно воспитанные судьи и знатоки эпохи, принцы – потомки Тимура и вольные люди с характером племени «барлас», сидящие на почетных местах «арлаты» и живущие в удовольствии, по обычаю «тархани», знатные люди из рода «кият» и завоевавшие славу властные «кунгираты»; обладающие свойствами «уйгуров» люди и жертвовавшие жизнью в пустыне «чули» – оруженосцы; самоотверженные (люди), услужившие в дни испытаний, а также шум и крик людей (из) племени «джалаир», смутьяны племени «кавчин») (здесь и далее использованы отрывки из перевода данного произведения на русский язык, осуществленный и опубликованный автором статьи в 1991 г. в книге Алишер Навои. Вакфия. Ташкент: Фан).

Итак, каждый из перечисленных племен получил «достойную должность и занялся соответствующим его положению занятием».

Внимательное изучение месневи, следующее за выше-приведенным отрывком, дает возможность прийти к такому выводу. Хотя по духу оно близко и несколько повторяет одну и ту же мысль, но благодаря ему читатель получает дополнительную информацию о том, как во все времена, так и при власти Султана вышеназванные люди, в зависимости от занимаемого положения и должности, каждый по-своему использовал свои возможности: кто слишком возгордился, кто имел выгоду от того, что ставил «мухр» – печать, либо от того, что собирал «печатный сбор», кто-то «испытывал блаженства» от должности градоначальника. Навои также заостряет внимание читателя на том, что из всех этих должностных лиц кто-то увлекся своим положением и опозорился, а кто-то – лишь довольствовался получаемым жалованьем.

Как видим, автор не идет по пути идеализации своего общества, власти Хусейна. Наоборот, он старается раскрыть всю правду об окружавших его чиновниках, об общественном строе, прибегая при этом к сатирическому перу. Этим и ценны, выписанные Навои, исторически правдивые сцены жизни той эпохи.

Социальная активность Навои

С точки зрения исторической ценности данного произведения необходимо отметить и следующие моменты. Отец и дед Навои были известными людьми, занимавшими высокое

положение при дворцах: до установления власти Байкары в Хорасане и прилегающих к нему окраинах сложилась тяжелая политическая и экономическая ситуация, в связи с чем, безнадежно отчаявшийся, переживающий экономические трудности, Навои приходит к решению стать отшельником. Однако неожиданная новость об установлении власти Хусейна Байкары и «маншур» – послание с приглашением во дворец от самого государя, в корне меняют планы Навои, и ему приходится ехать в столицу, чтобы приступить к вверенной ему должности.

Теперь еще об одном интереснейшем моменте в произведении, служащий материалом для историков. Как пишет автор, в столице Хорасана – Герате и его окрестностях были большие пшеничные поля, ларьки, сады, земли, оросительные системы и др., от которых он получал большие доходы. И на какие цели тратились эти богатства? По этому поводу было бы целесообразно привести отрывок из перевода: «А часть остального тратил для нужд службы его величества и для его любезных дел, часть – на его визиты, на жалованье и провиант его охраны, часть – на расходы по содержанию его людей и приближенных, а также на вооружение его войск. А часть отдавал достойным лицам, кто благословлял устойчивость его (Хусейна Байкары. – Ш. И.) государства... А за ту часть, которая оставалась после трат на необходимые и важные дела, строил здания (для) общего пользования...».

Ведь на все это требовались колоссальные деньги. Здесь заслуга Навои как большого политика, советника и близкого друга государя в том, что он старался на уровне содержать финансовые дела дворца. Поэтому роль Навои в государстве была неоценимой.

Небезынтересно также узнать и названия сооружений, построенных Навои, существовавших тогда кварталов, арыков, кяризов и других построений.

Теперь о материальном обеспечении служащих медресе, мударрисов-преподавателей и студентов. Читая «Вакфийе», приходишь к мысли о том, что уже тогда в эпоху Навои, а может быть, даже и до него, бытовал порядок, предусматривавший материальное обеспечение преподавателей и студентов. Вот как сам лично Навои справедливо и принципиально (!) распределял жалованье мударрисам, стипендию студентам и зарплату другому обслуживающему персоналу: «Лица, обязанные (исполнять предписания) – два честных ученых

будут учителями – мударрисами. Каждому за год выдается наличными по тысяча двести золотых (монет), двадцать четыре юка (единица измерения, 50–70 кг) зерна, 1/3 которого составит ячмень, 2/3 – пшеница. В каждом классе будут (учиться) по одиннадцать студентов. Итого двадцать два человека, из них шесть отличников, каждому из которых за месяц выдавать наличными по двадцать четыре золотых, в год – пять юков пшеницы. Средняков – восемь человек, каждому из них за месяц положено наличными по шестнадцать золотых, пшеницы в год – четыре юка. Ниже среднего – восемь человек, каждому из них давать за месяц по двенадцать золотых, по три юка зерна в год».

В «Вакфийе» есть названия праздничных и особых дней, отмечаемых народом, изучение которых в сравнительном аспекте вызывает особый интерес. По приказу Навои во все эти праздничные и особые дни народу раздавались специально приготовленная пища, пряности, лепешки и пр. Кроме того, все четыре зимних месяца бедным ежедневно раздавали пищу и одежду (обувь, халаты, головные уборы и т. д.).

И последнее, что содержит сведения исторического характера, это реальная картина окружения автора, вернее, целая галерея лиц, в основном, с отрицательными чертами и качествами, т.е. с кем Навои ежедневно приходилось встречаться и иметь дело по долгу своей службы, выслушивать их заявления и просьбы, из-за чего, как пишет Навои, он должен был бодрствовать с раннего утра до глубокой ночи.

Складывается мнение, что Навои, такой воспитанный, глубоко человечный, наделенный особым характером человек никогда ни в чем никому не отказывал, и многие из них использовали это в своих личных корыстных целях.

Предложение, о котором идет речь, уникально по своему размеру. В нем имеются свыше тридцати мини-предложений, каждое из которых представляет отдельный эпизод – случай. В связи с этим ограничимся цитированием лишь некоторых самых характерных эпизодов из перевода: «Но вместе с тем мне приходилось встречаться с такими проявлениями, как: «... траур привыкших к издевательствам невежд и терпение оставшихся в затруднении из-за распоряжений чинуш; ожидание меня у дороги страдающих из-за долгов и прикосновение к моему подолу (людей) отдавших в залог своих детей; жалобы студента с гнусным характером и его письма; ... занятость с

уважаемыми людьми, пришедшими из чужих стран, которые держат кошельки жадности, а на их шеях висят цепи унижения из-за корысти; ... преувеличения принесших весть от шейха, которого видели во сне; хитрости требующих денег для покупки шербета, показывающих свое здоровое тело больным; коварства взявших деньги за саван, представив своего человека как мертвеца; ...» и т. д.

Итак, завершив «экскурс» в эпоху Навои, можно сделать следующий вывод: автор с горечью и болью рассказывает об угнетателях и угнетенных, об алчности, корысти и самых низких поступках людей. Он боролся против этих негативных явлений по мере своих возможностей и мучился, страдал из-за существования таких пороков жизни. Теперь вкратце рассмотрим «Вакфийе» как юридический документ. Первоначальная цель автора трактата заключалась в составлении юридического документа, заверяющего в совокупности все его состояние в Герате и его окрестностях, который составлен по всем правилам оформления вакуфа, существовавшего в мусульманском мире специального документа.

Юридическую часть «Вакфийе» в основном составляет вторая половина трактата, точнее «махдудот» – выделенные имущества, на которые установлен вакуф. Но восхваление бога, пророка и правителя также было необходимым атрибутом составления такого рода документов.

Настоящее предложение из этой части показывает суть вышесказанного: «Выделенные на вакуф (имущества) находятся в городе и его окрестностях. О них будет сказано вкратце. А о подробностях многократно говорилось в вакфийях на фарси, которые оформлены и подтверждены печатью судьей-казием. Об этом также знает все население: начиная от шаха, вплоть до нищего, и народ тому свидетель своей «печатью» и засвидетельствованием. При необходимости можно сослаться на них и уточнить факты. Настоящее является сокращенным изложением тех вакуфов».

Следовательно, как было принято законом на каждое имущество, будь оно здание, земля, сад и пр. отдельно составлялся вакуфный документ, и по всей вероятности, как было принято – на языке фарси, о чем пишет сам автор.

Эти отдельные вакуфы Навои на фарси пока не известны ученым, так как о них нет нигде сведений. Возможно, они сохранились и со временем найдутся. Отсюда напрашивается

вопрос: может быть, это предвидел Навои и обобщив все вакуфы, написал «Вакфийе» в виде трактата.

В «махдудот» каждое имущество описано конкретно и точно, и по размеру, и по местонахождению. После перечисления каждого выделенного имущества по положению составления вакуфа приведены три раздела. Это – «арбоби вазойиф» – лица, обязанные (исполнять предсказания), «раватиб» – пособия и «шароит» – условия.

«Арбоби вазойиф» (это как бы нынешнее штатное расписание): два мударриса, двадцать два студента, шесть хафизов, шейх, ваиз, имам, мукри, повар ханаки, прислужники, один уборщик, два работника, мутавалли и его два наукера, мушриф и сборщик. Каждый из них получает, исходя из занимаемой должности, поста и ранга, назначенное количество золота и зерна.

В разделе «раватиб» можно ознакомиться с осуществленными по приказу Навои актами милосердия. Согласно установленным правилам, обязанные лица по народным и религиозным праздникам, в особые дни, а также в четыре месяца зимы ежедневно должны были приготавливать особые пицци, раздавать их с хлебом и пряностями жителям медресе, ханака и махалля.

В «шароит» – владелец вакуфа обусловливает следующее: мутавалли каждый год должен был покупать по сто штук шуб, войлочных халатов, бурков – шапки, кавуш – обуви, сорочек, тунбанов – штанов и вместе с двумя мударрисами распределять нуждающимся. Он также время от времени должен был обновлять кошмы и циновки, стеленные в ханака, медресе, мечети и т. д.

В этом разделе также написаны и другие условия, начиная от укомплектования кухни, очистки арыков, ремонта дорог, освещения, наказания вышеперечисленных обязанных лиц и кончая переписыванием «Вакфийе» раз в тридцать лет для сохранности и долговечности. Как видим Навои беспокоился за сохранность документов, и это намек на наличие архива. И еще, по существовавшим «юридическим правилам и по шариату, никто не должен был вмешиваться в эти дела, никто не вправе был интересоваться копиями (бумаги) сбора и расходов, не брать ничего.

В конце автор еще раз отмечает, что все это оформлено юридическими правилами в присутствии великих казиев.

Далее Навои в рубаяте указывает дату закрепления «Вакфийе» печатью и по традиции оформления таких документов высказывает свои пожелания, говоря спасибо, желая здоровья и сопутствия бога тем, кто будет соблюдать эти правила и проклятья, а также разрушения жизни и божье проклятие и гнева тем, кто нарушит условия вакуфа.

Основным героем произведения является сам автор. Навои подробно передает свое душевное состояние в различные годы и при разных обстоятельствах жизни. Читая это произведение, мы как бы прослеживаем весь путь эволюции характера героя, который обусловил объективные обстоятельства. Автор – герой произведения в содержательных, но кратких выражениях описывает эти обстоятельства. И эти же обстоятельства повелительно определяют характер и поступки героя.

«Вакфийе» содержит ценные сведения об отношениях между Алишером Навои и Хусейном Байкарой, о том, как великий гуманист Навои собственное имущество и прибыль от него использовал в благих целях, т.е. на благосостояние народа, на просвещение и многое другое.

Исследование и обнаружение фактов из «Вакфийе», касающихся Навои, высвечивает путь к новым знаниям о мыслителе. Как показывает изучение «Вакфийе», детали, причастные к биографии поэта, таятся в основном после упущенной части текста издания 1966 г., т.е. после начальной части произведения, где фигурирует обязательное восхваление бога, пророка и шаха. Здесь, однако, следует сделать одно уточнение. У Навои эта – традиционная для всех подобных документов эпохи, как «Вакфийе», вступительная часть начинается несколько по-иному.

Поэт начинает произведение своими мыслями о знании, распространителях знаний и жаждущих знаний людях. В середине обязательной части встречаются философские суждения Навои о роли знания, ученых и создании мира, о бытии и небытии, о предметах культа (поклонения), а также о правлении государством и т. п.

Перед тем, как приступить к поочередному перечислению фактов, касающихся Навои, заметим, что они находятся, в основном, в условно принятой второй части.

Итак, автор после изложения общих вопросов переходит конкретно к описанию деталей, связанных со своей личностью,

т.е. начинает с родителей, предков. Вот, что буквально написано в произведении о них: «*Agarchi bu xoksorning ota-bobosi ul hazratning obo va ajdodi xizmatlaridakim, har biri saltanat konining gavhari va shujoat beshasining g'azanfari erdilar – ulug' marotibqa sazovor va biyik manosibqa komgor bo'lgon erdilar*» [Навоий 1991, 18]. Перевод: «Хотя отец и дед этого ничтожного (Алишера Навои – Ш. И.) находились на службе отцов и предков его величества и каждый из них был жемчужиной рудника царства и львом леса храбрости, и был удостоен высокого положения, и (еще) достигал своей цели, занимая высшие должности...»

Как видим, сам Навои приводит достоверные сведения, хотя и очень краткие, о своих предках. И, думается, он не мог преувеличивать их роль, место и престиж в государстве Тимуридов. Это не новость, но исходя из произведения следует сделать следующее заключение. Выходит, Навои принадлежал не к первому поколению семейства, представители которого являлись верными и знатными людьми дворца. Скорее всего, он принадлежал к третьему, либо четвертому поколению, после отца и деда (возможно, деда). По утверждению Навои: и те были великими личностями.

Навои, показывая безупречную и полезную службу отцов, в противовес им описывает себя как неподготовленного человека: «*Ammo bu haqir hech nav' xizmatqa o'z qobiliyatimni chenamagan jihatdin va hech turluk mashaqqatqa o'z quvvatimni anglamag'on sababdin...*» [Навоий 1991, 18].

(«...Но я – беспомощный, поскольку не испытывал свои способности ни в какой службе и не проверял свою силу ни на каких трудностях...»).

Причиной тому служили такие факторы, над которыми остановимся ниже. Это объясняется тем, что в те годы, когда еще трон Хорасана не был завоеван Султаном Хусейном, у Навои преобладало пессимистичное настроение. Его все больше тянуло к отшельничеству. Об этом свидетельствовали общеизвестные факты: в Самарканде поэт проводил слишком тяжелую и беспокойную жизнь. Это 1465 – 1469 годы. В его состоянии и душе явно ощущались нотки упаднического настроения.

По всей вероятности, молодого Алишера к такому состоянию привели междоусобные распри тимуридов, плачевное положение простого народа, причиной чему служили последствия междоусобных войн, нищета и голод, материальные и моральные затруднения.

Навои в Самарканде

О причинах поездки Навои в Самарканд, об образе жизни поэта в этом городе, о его настроении и самочувствии имеются ряд исследований, мнений и предположений. Одно из них монография ученого В.Абдуллаева «Навои в Самарканде». Большой знаток прозы Навои С. Ганиева данный период жизни поэта описывает так: «Перед лицом увиденного свои желания, надежды и стремления, даже и творческие планы кажутся для Навои бессмысленными, не осуществимыми. У него появляется желание – уединиться» [Ганиева 1977, 398].

Как утверждает академик А. Каюмов, дополнительные сведения об этом периоде жизни Навои можно получить из его другого произведения «Хасби хол», а точнее из письма-послания к другу и учителю Саййиду Хасану Ардашеру [Каюмов 1976, 32].

Навоиевед А. Хайитметов, анализируя «Хасби хол», особое внимание уделил факту чрезмерно тяжелой жизни разочарованного молодого поэта [Хайитметов 1970, 64]. Далее, он упоминает о существующих в этом поэтическом произведении моментах философского размышления и суфизма Навои по поводу сотворения мира, отраженных в нескольких бейтах [Хайитметов 1970, 69].

Сопоставление этих двух фактов из указанного произведения «Вакфийе» показало, что они аналогичны. И это вновь подтверждает ту мысль, что наш объект исследования, безусловно, является произведением мемуарного характера и при его составлении под рукой поэта находились многие его произведения, такие как «Хасби хол», элегия «Хилолия», газели. Рассмотрим этот вопрос подробнее:

Прежде всего, о поездке поэта в Самарканд. Судя по содержаниям двух полустихий «Хасби хол», можно с уверенностью утверждать, что он был вынужден покинуть Хорасан:

*G'ame yetti charxi jafo peshadin,
Ham ul anjomi xorij andishadin.
Ki bo'lmoq vatan ichra dushvor edi,
To'ngulga jalo daf'i ozor edi* [Навоий 1959, 762].

Как видно из этих строк, жизнь поэта в Хорасане стала очень горестной, оставаться на родине становилось все труднее, в душе было тяжело от необходимости покинуть родину. Значит, положение Навои в Хорасане было крайне тяжелым, плачевным, что заставило его покинуть родные края.

Действительно, несколько лет борьбы за трон между тимуридами измучило всех: и простой народ, и ученых, и поэтов. Навоя

отправился в «вынужденное путешествие», о чем свидетельствуют слова:

*Safar tushti olimg'a beixtiyor,
Qazo amrida elga ne ixtiyor?* [Навоий 1959, 762].

*(Передо мной встало путешествие недобровольное,
А какая воля перед приговором творца?)*

Что заставило поэта думать об уединении и откуда появилась мысль об отшельничестве? В чем причина такого настроения? Ответы на эти вопросы можно найти как в «Вакфийе», так и в «Хасби хол». В первом произведении есть следующие строки: «*Xayolim bukim, chun olamning xiyonati va olam ahlining diyonati ravshan va jahonning ishvanamo ajuzasining vafosizlig'i va hayotning ruhafzo mahbubasi-ning baqosizlig'i muayyandur*» [Навоий 1991, 18].

(«Я думаю, что измена (вероломство) Вселенной (мира) и честность (совесть) жителей мира – ясное дело. Кроме того, неверность (непостоянство) прелестной красавицы мира и невечность вдохновляющей возлюбленной жизни очевидны»).

Как видим, Навои мучила несправедливость в жизни, ее изменчивость. Здесь же во второй части примера есть интересный момент. Слова «прелестная красавица мира» и «вдохновляющая возлюбленная жизни» приводят к мысли: не имел ли в виду автор свою действительную возлюбленную, которая по преданиям и некоторым намекам самого поэта (имеется в виду произведение «Шайх Санъон») недооценила его любовь?

Если это действительно было так, то вполне объясним пессимистичный настрой этого мягкого, сентиментального человека. Для разъяснения данного вопроса нам следует знать тогдашнее душевное состояние поэта, причины того, что толкнуло его к принятию решения об отшельничестве, разочарованию в жизни. Каковы объективные и субъективные причины? На интересующие нас вопросы в определенной степени можно получить ответы из вышеупомянутого произведения «Хасби хол», пронизанного глубокими чувствами.

Человек с тонкой натурой – Навои, которому казалось, что все его мечты и планы свелись на нет, во время «вынужденного путешествия» в Самарканд, т. е. на чужбине из-за тяжелой жизни и нехватки друзей, близких по духу, впадает в глубокий пессимизм. Жизнь ему кажется бессмысленной. В душе с каждым днем все сильнее утверждается мысль об отшельничестве путем полной «отдачи себя в повиновение творца».

Свидетельством нелегкой жизни в этом городе могут

послужить не только те, полные горечи строки из «Хасби хол», но и некоторые отдельно взятые слова, например: g'am – «печаль», jafo – «мука», dushvor – «трудно», ozog – «обида», beixtiyor – «невольно», firog – «разлука», zori ovoravash – «нуждающийся скиталец», bechoralig' va ovoralig' – «бедность и скитания», vahshat – «ужас», sharorat – «мерзость», ne bir hamdam – «ни одного друга», ranjim va hajrim – «мои обида и расставание» и т. д.

Убедительным доказательством этого служат слова историка эпохи Навои Хондамира, который в специальной книге, посвященной жизни и творчеству поэта «Макорим ул-ахлок» пишет, что Эмир (Навои – Ш. И.) до установления власти Султана вел необычный образ жизни, точнее, предпочитал отшельничество [Хондамир 1967, 62-63].

Итак, в это время мысль об уединенной жизни у Навои превосходит идею борьбы за справедливость и счастье народа во главе с подходящим вождем. Такой настрой у поэта возникает и после того, как Султан Хусейн завоевывает трон Хорасана. Радости Навои после такого знаменательного события не было предела, так как в лице своего друга детства он хотел видеть справедливого шаха, претворявшего в жизнь его мечты. Радость и восхищение Навои по поводу происшедшего великого события отражены, кроме месневи в «Вакфийе» и в элегии «Хилолия», посвященной победе Султана Хусейна. В душе поэта восстанавливается покой и появляются мысли о задуманном плане. Навои как бы сам себе ставит условия – требования уединения.

Данные условия, т.е. правила, отражены как в «Вакфийе», так и в вышеупомянутом «Хасби хол», в которых основной идеей содержания данных частей является точка зрения поэта об уединенной жизни. т.е. отречение от всех радостей жизни и уединение от людей.

Если «Хасби хол» написано до провозглашения Султана Хусейна правителем, то «Вакфийе» – через много лет царствования последнего. Это обусловило необходимость сопоставления вышеуказанных моментов в обоих произведениях. В «Вакфийе» этому вопросу посвящено 17 бейтов, а в «Хасби хол» – конец произведения.

Можно с уверенностью сказать, что при составлении «Вакфийе» поэт обращался в «Хасби хол». Наделенный теперь большим жизненным опытом, Навои мысленно окидывает взглядом пройденный путь и приходит к выводам о своем прошлом, давая ему более точную оценку. Поэтому в «Вакфийе» пройденный путь Навои дан более сжато и обобщенно, но насыщенными фактами.

Наше высказанное мнение о том, что при составлении «Вакфийе» Навои использовал материал «Хасби хол» подтверждают пять бейтов, взятых из первого и без изменений использованных во втором произведении. Они начинаются словами:

*Menikim, bu savdo nazor ayladi,
Zihi mulki jovid-u baxti baland* [Навоий 1959, 716].

*(Меня обессилила эта страсть...
какие вечные богатства и высокое счастье).*

Использование частей других произведений в «Вакфийе» прослеживается и на другом примере. Это две строки газели, начинающейся словами:

*Tuganmas subhi yo'q shomi g'amim sharhin savod aylab,
Varaq aflok o'lub, ul tun qarosin o'q midod aylab*
[Навоий 1959, 716].

*(Нет конца изложению моей горестной ночи без утра,
Если даже небо будет страницей, а темнота ночи –
чернилами).*

Итак, оба произведения дают обильный материал относительно биографии поэта, его мировоззрения и взглядов на жизнь и ее проблемы. В них много схожего. В определенной степени они дополняют друг друга.

Теперь вернемся к вопросу: стал ли Навои отшельником. Как известно, ничего подобного не случилось. Данной мысли Навои не дано было осуществиться, так как по словам самого автора «осуществляется то, что намечено судьбой, а не то, что желает человек». Эту мысль отражает рубаят, следующий за вышеупомянутым месневи:

*Sen jon varag'ida bo'yla aylab tahrir,
Ul safhada bu naqshni aylab tasvir,
Tag'yir etar ermish oni kilki taqdir,
Taqdir ishiga, rafiqlar, ne tadbir* [Навоий 1959, 162].

*(Ты на странице души постарайся сделать надпись,
А также нарисуй на ней свою роспись,
Но все равно ее изменит рука судьбы.
А чего нам противопоставить, друзья, против судьбы?!).*

В данном случае под понятием «судьба» Навои подразумевал «маншур» – указ Султана Хусейна с приглашением в столицу, в связи с которым у поэта резко меняется настроение, душу охватывает

радость, ибо для него это было честью: в послании о нем было сказано много теплых слов и восхвалений, над которыми мы остановимся ниже подробнее.

Здесь необходимо заострить внимание на следующем моменте из биографии Навои. Навоиведы по-разному толковали приход поэта во дворец Султана Хусейна из Самарканда. Некоторые даже считали, что Навои сам пришел к Байкаре. Но это далеко от истины. Статья А. Абдугафурова «Письмо-грамота Хусейна Байкара Навои» специально посвящена данному вопросу [Абдугафуров 1973, 232]. В ней автором верно подмечено, что Навои принял решение вернуться в Герат именно на основании фирмана от правителя. А. Хайитметов на основании изучения других источников также придерживается этого мнения [Хайитметов 1972, 9].

Самые убедительные и развеивающие все споры вокруг этого вопроса были слова Хондамира, по утверждению которого в ответ на приглашения, Навои, предпочтя спокойствие и отшельничество всячески отказывается Султану Хусейну, но после упорного требования правителя был вынужден перебраться в столицу [Хондамир 1967, 62-63].

Мы, в свою очередь, присоединяемся к мнению ученых, утверждающих, что Навои был вызван правителем. Это подтверждает и такой документальный источник, как «Вакфийе», в котором Навои не было необходимости прибегать к художественному вымыслу, наоборот он излагал действительные факты.

Итак, мудрый советник Навои действительно был нужен Байкаре во многих отношениях и тот призывает поэта в Герат специальным письмом-грамотой. В этом письме, т. е. «давлат маншури», Навои в свой адрес зачитывает такие высокие восхваления, как:

K-ey fazl jahonining sipehri
Yo'q, yo'qki, o'shul sipehr mehri [Навоий 1966, 162].

(O, небо мира знатоков!
Нет-нет, солнце того неба!).

Затем читаем следующее:

Sen garchi guhar do'koni ochting.
Lekin bu guharni yelga sochting.
Fikring chamanida ko'p rayohin,
Lekin bo'lub anda xalq gulchin...
Sen el boshiga bo'lub guharposh,
Bir pok guhar demayki, shobosh! [Навоий 1966, 162].

*(Ты открыл лавку жемчугов.
Но осыпал ими свой народ.
В цветущем лугу твоих мыслей обилие базилика,
Но в нем твой же народ собирает цветы...
Ты осыпал жемчужиной народ, и я скажу:
Не только настоящий жемчуг, но и браво).*

На первый взгляд может показаться, что Навои о себе написал слишком много похвалы. Однако такому человеку, как он, не было необходимости выдумывать и писать восхваления.

Исходя из жанра «Вакфийе», из того, что это прежде всего документ, можно с уверенностью считать следующее: в нем отражена сущая правда, в частности, и в этом месневи, где он передал содержание послания в таком виде, как оно было. Для подтверждения этого мнения можно привести слова А.Абдугафурова из той же упомянутой статьи. «Великий поэт, – пишет он, – излагал содержание этого письма полностью и без единого серьезного изменения» [Абдугафуров 1973, 232]. В этом документе налицо отношение правителя к поэту, а также мнение Байкары о своем друге. Особое внимание привлекает следующее двустишие:

*Necha biyik aylasang so'zungni,
Ondin biyik etgabiz o'zungni* [Навоий 1991, 21].

*(Насколько возвысишь свои слова,
Еще выше будет твоя слава).*

Значит, как народ, так и Байкара нуждались в таком поэте и интеллектуале, в такой популярной личности как Навои – создателе чарующих стихов, насыщенных добрыми словами и советами. Однако, вполне понятно, что за нуждой правителя скрывалась политика, а потом уже дружба. Наше мнение подтверждает еще один немаловажный момент в этом месневи, который освещает вопрос возвращения поэта в столицу. В этих строках заметны ноты приказа в адрес Навои:

*Yo'qtur sanga vaqt go'sha tutmoq,
Ishrat gulin oh ila qurutmoq.
Chun hukmni anglading, dam urma,
Balkim dam urarg'a dag'i turma.
Qulluqqa ko'ngulni chust bog'la.
Xizmatda belingni rust bog'la* [Навоий 1991, 162].

*(Не время тебе в закоулке сидеть.
Цветок радостного пира своими стонами иссушать.
Если осознал повеление, не спрашивай,
И не думай даже что-либо говорить.
Настрой себя быстро на рабство (поклон),
Примись за службу эту с усердием).*

Как видно из содержания всего месневи Байкара, с одной стороны в начале своего письма восхваляет Алишера Навои, а затем ближе к концу, переходит к «делу», т.е. цели и указывает последнему, что у него (Навои – Ш. И.) нет времени сидеть в стороне от больших перемен, а, наоборот, он должен «засучить рукава» и приняться за «дело», т.е. за службу.

Последние три двустишия данного месневи исходят не от правителя, а от самого поэта. В них четко прослеживается замешательство Навои из-за такого неожиданного поворота хода событий.

Навои пылко принимается за дело, трудится насколько ему позволяют силы. И эти усилия в скором времени дают свои результаты. Это отражено в предложении, следующем за упомянутым месневи: «*ul qadar xizmatdakim, bu xastag'a quvvat erdi va ul miqdor mulozamatdakim, bu shikastag'a tengri toqat berdi, jonsiporliq rasmin unutmadi...*» [Навоий 1991, 21].

(«... Но я – измученный, выполняя такой размер службы насколько хватало силы, и я – убитый горем, оказывая столько любезности, насколько бог дал терпения, не изменял верности и не позволял себе беспечности и упущения»).

Все это привело к большим переменам в жизни Навои и у него вспыхивают новые надежды. Автор этот отрезок своей биографии передает так: «... *Har soat ro'zgorim dimog'i o'zga nav' nasim fayzidin muattar va har lahza umidim charog'i o'zgacha tarbiyat mash'ali nuridin munavvar bo'la boshladi... o'zumga pok gavharlik ahli maoniy muhtoj bo'ldi...*» [Навоий 1991, 21].

(«... Каждый час дух моего житья наслаждался благоухающим ароматом особого ветерка и каждое мгновение светоч моей надежды озарялся от маяка особого воспитания, а во мне нуждались люди смысла (толковые. – Ш. И.) – обладатели чистых жемчугов...»).

Вслед за этими словами идет рубайят, который обобщает упомянутые только что мысли и в очередной раз передает умонастроение и восторг Навои от этих неожиданных в жизни перемен к лучшему:

*Iqbol muti-u baxt yovar bo'ldi,
Xurshed rahi-yu sipehr chokar bo'ldi.
Olam elidin kimga muqarrar bo'ldi.
Bu martabakim, munga muyassar bo'ldi.*

*(Успех сопутствует мне, а счастье – мой компаньон.
Солнце – мой вождь, а небо – в моем услужении.
Кому еще посчастливилось такое
Возвышение, которого достиг я).*

Здесь же в состоянии поэта прослеживается еще один немаловажный штрих. Хотя все дела у Навои уладились, а он более-менее успокоился, все же перед такими милостями и честью он ощущает чувство неловкости и в смущении задумывается. В данном моменте ему на помощь приходит «пир – старец разума», т.е. его же собственный разум и тут же снимая его задумчивость делает порицание, приводя разные примеры из жизни. Таким образом, он успокаивает Навои и в конце повелевает ему заняться делом, а не сидеть сложа руки. Это, следует отметить, было решение, принятое Навои на всю жизнь.

Как видно, в произведении красной нитью проходит пройденный жизненный путь, трудности и радости, решимость и сомнения, рассказанные самим автором. Иначе говоря, Навои достоверно описывает свое морально-психологическое состояние тех лет. Другим, довольно значительным штрихом к портрету Навои является вопрос о государственной службе и «гранях деятельности», т.е. обязанностях, правилах служения, которые можно рассматривать как совет, призыв к другим чиновникам и прочим людям.

«Служебные правила – принципы» Алишера Навои

Их семь, и каждое правило – принцип, за исключением первого, начинается словами: «яна ул эрдиким...», которые в переводе звучат как «еще следующее», либо «еще было то...», а также каждый из них подытожен отдельным рубаятом.

Первый принцип. Согласно ему требовалось выкинуть из «страны души», т.е. из сердца, головы мысль о другом государе. Здесь хотелось бы оговориться по поводу того, что, разъясняя свои принципы другим чиновникам, Навои ставил себя в пример и очень хотел, чтобы и они соблюдали эти требования.

Получается, что эти принципы, являются назиданием, кроме всего, носят и воспитательный характер.

Согласно *второму принципу* необходимо было соблюдать

следующее: в общем не вмешиваться в дела шаха, если того не просят, а конкретно: на запрещенные смотреть вещи, свои глаза сделать как «глаза нарцисса», т. е. «слепыми»; не слушать ненадобные разговоры как «уши фиалки»; не притрагиваться к неподобающим, держать (вещи) как «парализованные руки чинара»; чтобы на недозволенных ходить местах ноги становились «хромыми как у кипариса»; язык держать «немым как у савсана», чтобы не разглашать тайны и секреты (государя). Все эти требования в обобщенном виде нашли свое отражение в следующем за этим текстом рубаяте.

По *третьему принципу* необходимо было следовать нижеследующим: от служения государю не иметь никакой корысти, жадности, злонамерения и других задних мыслей, а, наоборот, быть преданным и честным служителем ради государя и народа. Данную точку зрения Навои обобщает также прекрасным рубаятом.

Четвертый принцип. Хотя Навои было приказано заявлять о любом неугодном ему явлении типа, когда «тучи гнева закрывали лицо солнца справедливости», он чаще всего старался эти проблемы решать сам, не тревожа каждый раз Султана Хусейна. Но если появлялась необходимость осведомлять шаха и вводить в курс «дела», чтобы не игнорировать его приказ, он старался не вмешиваться в это дело и оставлял его на усмотрение государя.

Пятый принцип поэта, как государственного деятеля, похож и мало чем отличается от четвертого, ибо согласно ему Навои должен был «по мере своих возможностей» ломать «острие гнета» и прикладывать «бальзам возмездия на раны угнетенных». О том, что было не в его силах, он должен был доложить государю. Здесь отчетливо видна борьба Навои против гнета, беззакония и насилия.

Согласно *шестому принципу* Навои, в противовес другим чиновникам, старался помогать всем: от самых знатных вельмож до бедного, простого народа, которые приходили с какими-либо просьбами, советами, но за свою помощь и услугу никогда не ждал вознаграждения, а тем, кто предлагал, отказывал, видя в этом социальное зло. Кроме того, у него, как считал сам Навои, нужды на эти подачки – не было.

И, наконец, последний – *седьмой служебный принцип* Навои, который значительнее других, заключал в себе следующее: он считал необходимым заниматься земледелием, чтобы «поле проживания не оставалось необработанным и пустым», т. е. чтобы жить было на что; из прибылей и остальных имуществ оставлять себе на жизнь столько, сколько хватало бы для одного человека, а

из одежды довольствоваться лишь одной парой, чтобы защищаться от тепла и холода; все остальное тратить для нужд государства, а из оставшегося излишка строить здания общего пользования.

Вот и все «служебные правила – принципы» Алишера Навои, о которых можно отозваться, исходя из слов самого поэта, как «неписаный закон», к которому он сам лично относился уважительно. Все это говорит об индивидуальных чертах личности нашего героя. Мы его видим принципиальным, ставящим интересы общества, людей выше своих личных интересов, заботящегося о благополучии государства и народа.

Следующим фактом, касающимся биографии Алишера Навои, являются сведения самого автора о полученном в дар от государя 30 джерибов земли на севере Герата, недалеко от старого, разрушенного дворца Маргани для возведения дворца и двора.

В «Вакфийе» он пишет, что на том месте построил дворец, а двор перед ним превратил в прекрасный сад. Кроме того, на месте дворца Маргани построил медресе, а на западе от него – мечеть, «ханака» и здание с куполом (гунбаз).

Ханака получила название «Халасие». Последнее и то здание с куполом были предназначены для людей, живущих рядом, чтобы они не ходили далеко для совершения пятничной молитвы.

Как видим, Навои ради людей, ради процветания общества делал все возможное. У него не было характерного для любого феодала, состоятельного чиновника, стремления нажиться за счет обездоленных. Наоборот, он совершал благотворительные дела, мечтая при этом о создании такого справедливого государства, какое сложилось в его воображении.

По тексту произведения мы находим еще другие детали биографии поэта. Обращаясь к Султану Хусейну, Навои пишет, что его юность прошла у него во дворце, что он достиг почти всего. «В государстве его величества, – продолжает он, – я достиг даже того, что и не думал, чего и во сне не мог увидеть». Эти мысли автор передает посредством прекрасных художественных средств.

Переходя к цели, Навои говорит, что теперь он постарел, но у него остаются две несбывшиеся мечты, которые не дают ему покоя и он не теряет надежды на их осуществление.

Первая из них: «*Bu mazkur bo'lg'on ikki orzudin biri muborak safardururkim, islomim shaxsi besh hisdin birining o'ksukligi jihatidin noqis bo'lmag'ay va musulmonlig'im panjasi bir barmoq yo'qlug'idin ma'lul qolmag'ay...*» [Навоий 1991, 30]. («Одно... из двух желаний – это «благословенное путешествие» (паломничество в Мекку – Ш. И.), без

которого моя личность мусульманина от не-достатка одной из пяти чувств была бы несовершенной, и пятерня моего мусульманства от отсутствия одного пальца казалась бы нездоровой»).

Это естественное желание, исходящее от обычаев и уклада жизни человека, истинного мусульманина, жившего в обществе, где процветали ислам и законы шариата. Вполне возможно и логично, что его интересовала и другая сторона поездки в мусульманскую святыню, а именно, путешествие и знакомство со странами и народами.

Науке известно, что Навои часто обращался к Байкаре с просьбой о разрешении совершить паломничество в Мекку. Однако, как указывал Хондамир, правитель каждый раз по всяким причинам просил эмира повременить с поездкой [Хондамир 2018, 16]. Однако в конце концов шах не смог устоять перед настоятельными просьбами своего соратника.

Второй мечтой Навои было «изменение службы на более подходящую», т.е. он хотел просить Хусейна об отставке с целью посвятить оставшуюся жизнь самому любимому занятию – творчеству. Об этом он пишет: «... *Ul bobda g'arro qasidalar va rangin g'azallar va matbu' masnaviyilar va masnu' insholar, balki har nav' nazm va nasrdin kitoblar tasnif qilsam erdi va mujalladlar tartib bersam erdi...*» [Навоий 1991, 31].

(«...По этому поводу писал и составлял бы вдохновенные касиды и прекрасные газели, приятные месневи и изящные сочинения, но и еще различные книги по поэзии и прозе, а также составлял бы тома...»).

Далее, «Вакфийе» знакомит читателя с целой галереей представителей самых разных слоев, живущих рядом с Навои, которые по всякому поводу и мелочам обращались к нему на службе и дома, отнимая его драгоценное время. Колоритно нарисованные картины, невольно пробуждают у читателя чувство иронии и жалости, гнева и удивления. В данном отрывке текста отчетливо заметно психологическое, душевное состояние поэта. Он устал от всяких посещений и помощи корыстолюбивым, жадным, с нездоровыми мыслями в голове людьми; он разочарован в том, что не видно перемен к лучшему. Вот почему у него возникает сильное желание, вернее, выбор – заменить государственную деятельность творчеством, дабы на этом поприще он считал себя значительно сильнее и видел в этом больше пользы. Кроме того, данный отрывок произведения может послужить как концентрат явлений из социальной жизни эпохи Навои, в котором ярко выражены

социальные противоречия, несправедливость, ханжество, хамство и т.п. определенных социальных прослоек.

И самое главное – это произведение позволяет нам взглянуть на один из самых обычных, будничных дней поэта. Теперь обратимся к самому последнему вопросу данного раздела: об имуществе, принадлежавшем автору «Вакфийе» и о том, как он им распоряжался. Это: земля и сады, здания общего пользования и дуканы (ларьки), арыки для орошения и мн. др.

Вот список вещей, на которые Навои был наложен вакуф:

1. Благотворительные здания – «биқойи хайр»: а) дворец и сад на 30 джерибах земли; б) соборная мечеть; в) здание под названием «Дорул-хуффоз»; г) медресе «Ихласия»; д) ханака (обитель), названная «Халасие» и еще одно здание напротив ханака.

2. Дуканы, расположенные в разных провинциях и махаллях. Их всего 24. Тим (ларек, имеющий крышу) – одна единица. Маленькие тимы – три единицы.

3. Земли и сады. Их в целом 490,6 джеривов. Они в произведении указаны строго по размерам и с указанием местонахождения.

4. Кяризы (источник воды, вытягиваемой из-под земли): в местечках Тудаги и Парагач.

5. Местечко «Гулькент» в провинции Гератруд с садами, деревьями, дворцом – тоже с садом и др.

Согласно сведениям Фахри Хироти в «Латаифнаме» однодневная прибыль Навои из всех его имуществ составляла 75 тысяч динар; при этом 15 тысяч из них он тратил на внешние расходы, а остальное – на благотворительные дела.

В «Вакфийе» читаем: «... *alarning bay' va shirosida shar' qavoidin ko'p mar'iy tutulub erdi va baholaridin bir diram mavquf qolmaydur erdi...*» [Навоий 1991, 33].

(«... В их купле-продаже полностью соблюдались правила шариата и от (их) доходов ни один дирхам не оставался неизвестным...»).

Заключение

Значит, Навои лично для себя никакую пользу не извлекал (его утешала и радовала мысль, что он делает добро своему народу, который его очень любит).

Итак, можно сделать такой вывод: «Вакфийе» – это документальное произведение, изобилующее автобиографическими данными автора. Пусть даже некоторые факты уже были известны из других источников, но наличие ряда новых по различным

источникам фактов и их схожесть утверждает истину.

Таким образом, «Вақфийе» считается весьма интересным и ценным источником в изучении биографии великого мыслителя, общественно-политической жизни его эпохи, исторической топографии и юриспруденции того времени.

Литература

Алишер Навоий. 1959. *Хазойин ул-маоний*. I том. Тошкент.

Алишер Навоий. 1991. *Вақфия*. Тошкент. Фан.

Абдуғафуров, А. 1973. “Навоийга Хусайн Бойқаронинг мактуб ёрлиғи”. *Шарқ юлдузи* 1: 16-20. Тошкент.

Бертельс, Е. Э. 1948. *Навои*. Москва-Ленинград.

Ҳайитметов, А. 1970. *Навоий даҳоси*. Тошкент: Ғафур Ғулум номидаги бадий адабиёт нашриёти.

Ҳайитметов, А. 1979. *Табаррук излар изидан*. Тошкент: Адабиёт ва санъат.

Маллаев, Н. 1963. *Гениальный поэт и мыслитель*. Ташкент.

Султонов, И. 1969. *Книга признаний Навои*. Ташкент.

Семенов, А. А. 1950. Портрет эпохи Навои. Ташкент.

Қаюмов, А. 1976. *Алишер Навоий*. Тошкент: Ёш гвардия.

Хондамир, Ғиёсиддин. 2018. *Мақорим ул-ахлоқ*. Тошкент: Akademnashr.

Ғаниева, С. 1962. *Алишер Навоий* (ҳаёти ва ижоди). Тошкент: Фан.

Ғаниева, С. 1976. “Алишер Навоийнинг “Вақфия” асари”. *Ўзбек адабиёти тарихи масалалари*. Тошкент: Фан.

Ғаниева, С. 1981. *Алишер Навоийнинг прозаик асарлари*. Тошкент: Ўзбекистон.

Воҳидов, Р. 1984. “*Мажолис ун-нафоис*” таржималари. Тошкент: Фан.

Isroil Shamsimukhamedov

(Tashkent, Uzbekistan)

isroil@navoiy-uni.uz

“Vaqfiya” by Navo’i as a Historical-Biographical Work

Abstract

The treatise was composed in Chaghatay Turkish in 886/1481–82 by the eminent political and literary figure and unsurpassed patron of Temurid period, Mir Ali Sher Navoi (844–906/1441–1501). It is entitled *Vaqfiya*, which received little scholarly attention despite its unique value as a source for the socioeconomic, cultural, and even political history of Khorasan in the late Temurid’s period in the author’s biography.

One possible reason for the relative scholarly neglect of the *Vaqfiya* has been that prejudging its contents by its title, scholars tended to regard it only as a legal *vaqf* document (*vaqfiya* or *vaqfnoma*) relating to the endowments established by Navoi for the architectural complex centered in the *Ihlasiya* madrasa and *Halosiya hanaqah* ensemble that he built in the northern suburbs of the Temurid’s capital, Herat, in the last decades of the XV century. Although *vaqf* documents have long been recognized as a valuable source for social and economic history, it is only fairly recently that they have started to be exploited systematically in the study of medieval Iran and Central Asia. Earlier (until the 80s of the 20th century) scholars have led the way, generally focusing on the “*Vaqfiya*” as a source for the history of agrarian relations. More frequently, however, “*Vaqfiya*” has been viewed from an even more narrow perspective – as a source of information about the biography of the author, history, social life and topography of Temurid’s Herat.

Key words: Alisher Navo’i, *vaqf*, *vaqfiya*, building, history, biography, Sultan Huseyn, *Hirat*, *mesneviy*, *rubayi*, *jerib*, ruler, hermitage, duties, the principles.

About the author: *Isroil U. Shamsimukhamedov* – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, University of Uzbek Language and Literature named after Alisher Navo’i.

For citation: Shamsimukhamedov, I. U. 2019. “*Vaqfiya*” by Navo’i as a Historical-Biographical Work”. *Uzbekistan: Language and Culture* 4: 6—29.

References

- Alisher Navoi. 1959. *Hazojin ul-maonij*. I tom. Toshkent.
- Alisher Navoi. 1991. *Vaqfija*. Toshkent. Fan.
- Abdugafurov, A. 1973. "Navoiyga Husajn Boj qaroning maktub jorligi". *Sharq julduzi* 1: 16-20. Toshkent.
- Bertel's, E. J. 1948. *Navoi*. Moskva-Leningrad.
- Hajitmetov, A. 1970. *Navoiy dahosi*. Toshkent: Gafur Gulom nomidagi badiij adabijot nashriyoti.
- Hajitmetov, A. 1979. *Tabarruk izlar izidan*. Toshkent: Adabijot va san'at.
- Mallaev, N. 1963. *Genial'nyj pojet i myslitel'*. Tashkent.
- Sultonov, I. 1969. *Kniga priznanij Navoi*. Tashkent.
- Semenov, A. A. 1950. *Portret jepohi Navoi*. Tashkent.
- Qajumov, A. 1976. *Alisher Navoiy*. Toshkent: Josh gvardija.
- Hondamir, Gijosiddin. 2018. *Makorim ul-ahloq*. Toshkent: Akademnashr.
- Ganieva, S. 1962. *Alisher Navoiy* (hajoti va izhodi). Toshkent: Fan.
- Ganieva, S. 1976. "Alisher Navoiyning "Vaqfija" asari". *Uzbek adabijoti tarihi masalalari*. Toshkent: Fan.
- Ganieva, S. 1981. *Alisher Navoiyning prozaik asarlari*. Toshkent: Uzbekiston.
- Vohidov, R. 1984. "Mazholis un-nafois" tarzhimalari. Toshkent: Fan.